

МАРЕК ЭДЕЛЬМАН

и была
ЛЮБОВЬ
в
ГЕТТО

Марек Эдельман

И была любовь в гетто

Серия «Прошлый век»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5957306

И была любовь в гетто: Мосты культуры/Гешарим; Warsaw; 2010

ISBN 978-5-93273-316-0

Аннотация

Марек Эдельман (ум. 2009) – руководитель восстания в варшавском гетто в 1943 году – выпустил книгу «И была любовь в гетто». Она представляет собой его рассказ (записанный Паулой Савицкой в период с января до ноября 2008 года) о жизни в гетто, о том, что – как он сам говорит – «и там, в нечеловеческих условиях, люди переживали прекрасные минуты». Эдельман считает, что нужно, следуя ветхозаветным заповедям, учить (особенно молодежь) тому, что «зло – это зло, ненависть – зло, а любовь – обязанность». И его книга – такой урок, преподанный в яркой, безыскусной форме и оттого производящий на читателя необыкновенно сильное впечатление. В книгу включено предисловие известного польского писателя Яцека Бохенского, выступление Эдельмана на конференции «Польская память – еврейская память» в июне 1995 года и список упомянутых в книге людей с краткими сведениями о каждом. «Я – уже последний, кто знал этих людей по имени и фамилии, и

никто больше, наверно, о них не вспомнит. Нужно, чтобы от них остался какой-то след».

Содержание

Предисловие	5
Зло может разрастись	19
Школа ЦИШО, Кармелицкая, 29, угол Дзельной	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Марек Эдельман

И была любовь в гетто

Предисловие

<...> я бежал с Павьей в больницу <...> Туда я был приписан – так значилось в моем талоне на жизнь <...> двое еврейских полицейских набросились на девушку <...> хотели оттащить ее на Умшлагплац <...> Я перебежал через улицу и сцепился с полицейскими. Нас было двое – я и она, большая, сильная <...> В какой-то момент ей удалось вырваться и убежать. А они стали кричать: мол, им приказано привести пятерых, иначе их убьют. «Значит, все равно, кого вы заберете», – сказал я и побежал своей дорогой в больницу.

Марек Эдельман

Кто имеет право писать о переживаниях тех, что «пошли в вагоны», и тех, что уцелели, об их борьбе за спасение жизни – своей, а иногда и чужой, которая дороже или важнее собственной: жизни любимой женщины, дочери, матери либо товарища из подпольной организации в гетто? Кто имеет право рассуждать о правильности выбора, мотивах, решениях, продиктованных отчаянием? Кто имеет право рассказы-

вать о жажде любви в трагических обстоятельствах Холокоста, об удивительных, хотя, казалось бы, самых обыкновенных любовных связях, о физиологии и чувствах самых разных людей? Влюбился в девушку, влюбилась в парня – и все это перед лицом смерти. Марек Эдельман, безусловно, имеет право: он был в центре событий, он испытал на себе, что такое Холокост, и боролся с ним с оружием в руках – впрочем, это не совсем точно: у тех, кто боролся, оружия почти не было.

А какое право имею я? Да никакого. Во-первых, я не родился евреем, предназначенным на уничтожение, никогда не испытывал страха из-за своего рокового происхождения или неподходящей внешности, даже не участвовал – в отличие от Марека Эдельмана – в Варшавском восстании 1944 года. Нет в моем багаже хотя бы мало-мальски сравнимых с этими переживаний. Предисловие к книге «И была любовь в гетто» я взялся писать лишь потому, что меня уполномочил – по одному ему известным причинам – сам Марек Эдельман. С выражением такого рода воли не спорят. Так что права у меня, возможно, и нет, но есть обязанность.

Однако еще одно сыграло тут свою роль. О пожелании Эдельмана я узнал как раз тогда, когда безнадежно заболела моя жена и мне пришлось осваиваться с мыслью, что она умирает. Кстати, последние двадцать пять лет жизни ей подарил доктор Марек Эдельман, который в свое время, как

сказала бы Ханна Кралль, «опередил Господа Бога»¹ – распознал никем не диагностированное заболевание буквально в последнюю минуту, когда резекция одного легкого была еще возможна. Это позволило пациентке прожить с единственным легким четверть века. Но теперь ничто уже не могло спасти ее сердце; спустя всего лишь несколько дней после того, как я понял, что обязан написать эти строки, мне довелось увидеть, как моя жена умирает от инфаркта. Увидеть в прямом смысле этого слова. Меня, правда, прогоняли, но я подсматривал. Я видел, как перестает работать ее сердце, как ее пытаются реанимировать, видел, какой она стала, когда ничем закончились последние усилия врачей, – а потом было уже только ледяное тело в морге. Я говорю об этом с жестокой откровенностью, достойной Марека Эдельмана.

Здесь я должен кое-что добавить – «нагло», как сказал бы автор книги «И была любовь в гетто», который часто именно наглостью объясняет собственные смелые поступки или нестандартные высказывания. Я любил свою старую умирающую жену. Я терял ее и был бессилен этому помешать. И вдруг я понял, что переживаю то, о чем неоднократно говорил Марек Эдельман, хотя мои переживания никак не связаны с гетто и Холокостом. Но ведь они – частица точно такого же опыта, поскольку суть любви и смерти всегда одинакова,

¹ «Опередить Господа Бога» (1977) – документальная повесть, основанная на беседах одной из лучших польских репортеров Ханны Кралль с Марекком Эдельманом (рус. перев.: «Иностранная литература», 1988, № 4; послесловие Е. Евтушенко). (Здесь и далее – прим. перев.)

независимо от того, кого или что мы любим, кто или что нас убивает: палач, обыкновенный бандит, рак или инфаркт.

Холокост был участью евреев, но смерть – участь всех людей, не только евреев. Холокост был творением немцев, но преступление – вообще дело человеческих рук. «Это сделали люди», – слышал Марек Эдельман от Леона Блюма в 1946 году и повторяет вслед за ним в книге, хотя лучше всякого Блюма знает это сам. Так и любовь – достояние всех людей, а не исключительно евреев. Как мне кажется, Мареку Эдельману очень важно рассказать нам об этом человеческом, универсальном аспекте Холокоста, чтобы мы поняли, знали и помнили. Возможно, поэтому он выбрал нееврея автором предисловия к повествованию, называющемуся «И была любовь в гетто».

Название это звучит по-библейски, словно открывая еще одну книгу Ветхого Завета, дописываемую сегодня, ибо в наше время появилась реальная причина ее дописать. Название заставляет предположить, что читатель найдет в книге продолжение либо дополнение к чему-то, происходившему прежде или существующему рядом. Из наших с автором разговоров я знаю, что союз «и» он считал чрезвычайно важным. Любовь? Нет! И любовь. Обязательно «и». Ибо любовь – не единственное и не самое главное, что было в гетто.

А что было самым главным? Жестокость? Страх? Ненависть? Беспредельное унижение? Борьба, которую вел Ма-

рек Эдельман и символом которой сейчас для нас является²? Наверное. Нетрудно вообразить, что будущим читателям и Пауле Савицкой он говорит примерно следующее: это все я уже описал раньше, и многие другие описывали, существует огромная библиотека на тему Холокоста, но, представьте, тогда была еще и любовь, так что сейчас я расскажу вам, что помню, о любви, а ты, Паула, записывай.

На первый взгляд похоже – и я вовсе этого не исключаю, – что Марек Эдельман действительно так думает. Однако ни одному автору, в том числе и Эдельману, который не профессиональный писатель, а герой и свидетель истории, не избежать общей судьбы всех пишущих. Книги фактически говорят не то, о чем их авторы решили рассказать, а то, что мы из них вычитываем. И когда мы читаем «свидетельские показания» Марека Эдельмана, продиктованные Пауле Савицкой, это сбивчивое дополнение к Ветхому Завету, то есть к истории евреев, которая, как и в Ветхом Завете, претворяется в историю человека и мира, – а состоят они из разрозненных эпизодов, обрывков, беглых зарисовок, поистине клочков тающих воспоминаний о прошлом и размышлений о нем ради будущего (автор даже в какой-то момент хотел назвать всю книгу «Клочки памяти»), – так вот, когда мы читаем этот единственный в своем роде документ, у нас возникает непреодолимое ощущение, что самым главным – ценно-

² Когда Яцек Бохенский писал это предисловие и когда книга вышла, Марек Эдельман был еще жив. Он скончался в Варшаве 2 октября 2009 г.

стью, подчас более ценной, чем сама жизнь, — была любовь. И таковой быть обязана.

Мы должны в школах, в детских садах, в университетах учить, что зло — это зло, что ненависть — зло, а любовь — обязанность; с такого заявления в первой же главе начинается свой рассказ Марек Эдельман. Рассказ, как мне кажется, не только о том, чему он был свидетелем в гетто, но и вообще о том, что подсказывает его личный и исторический опыт. *Ненавидеть легко. Любовь требует усилий и самоотверженности.*

Любовь, о которой идет речь в книге, конечно же, не эротическая страсть и не половой акт. Но и это тоже! Описания таких случаев — волнующих, поскольку почти всегда сопряженных со смертью, — Эдельман собрал в главе «Любовь в гетто». И опять-таки стоит обратить внимание, с чего эта глава начинается:

Пани Тененбаумова, медсестра из больницы Берсонов и Бауманов, была приятельницей адвоката Беренсона. Каждый день она кормила его обедом. После обеда адвокат засыпал, и тогда приходила ее дочка, воспитанная семнадцатилетняя девочка, чистенькая, гладко причесанная, в белой крахмальной блузке. Она помогала маме убираться.

Закончилась Большая акция³, и 44 тысячи человек полу-

³ Летом 1942 г. немцы приступили к планомерному уничтожению гетто. Началась массовая депортация варшавских евреев. Во время Большой акции (22.07—21.08) в Треблинку и Майданек были вывезены более 300 тысяч человек.

чили талоны на жизнь. В их числе и пани Тененбаумова. Когда все, у кого были талоны, перешли на сторону «жизни», кто-то заметил, что пани Тененбаумова лежит в кровати, а на столике стоят пустые пузырьки от люминала; там же было письмо и ее талон на жизнь. В этом письме пани Тененбаумова написала, что свой талон отдает дочке, а сама кончает с собой.

Пока что – это короткий рассказ о материнской любви, любви в высшей степени альтруистической, ибо пересиливающей инстинкт самосохранения. Однако у этой истории есть продолжение.

В общем, Деда – так звали дочку пани Тененбаумовой – получила талон на жизнь. Робкая, застенчивая девочка осталась одна. И вдруг она влюбляется в какого-то парня. Видимо, у нее было и немного денег, потому что парень нашел им на арийской стороне жилье. Девочка буквально расцвела. Три месяца счастливо прожила с ним в квартире на арийской стороне. На ней это прямо было написано – великая любовь. Все, кто ее тогда видел, все без исключения, говорили, что она просто лучилась счастьем. <...> Благодаря теплу, которое дарил ей этот парень, она забыла о гетто. Счастье длилось три месяца. Потом – возможно, у них кончились деньги – хозяева выдали обоих.

На долю семнадцатилетней Деды – пока хозяева ее не выдали – выпали три месяца счастливой любви, никакой другой она не знала и уже не смогла узнать. Но я приведу еще

один отрывок из «Любви в гетто».

Мать этой девочки заболела. <...> Когда маме было очень плохо, он оставался ночевать, а она, боясь, что случится страшное, прижималась к нему. <...> Кажется, они начали заниматься любовью. Неизвестно, так ли оно было и знали ли они вообще, как это делают. <...> Однажды <...> мамы там уже не было. Толпу, несколько тысяч человек, гнали на Умшлагплац⁴. <...> Они догнали колонну и проехали вдоль всей многотысячной толпы, высматривая маму. Увидели ее перед самой Умшлагплац. <...> Она сказала ему: «К сожалению, мы должны расстаться, я не могу отпустить маму в такой путь одну». И пошла с мамой в вагон.

Три варианта любви, которые я представил, процитировав отдельные истории, – всего лишь малая часть картины. Эдельман рассказывает о самых разных ситуациях, в которых оказываются пребывающие в аду люди, рискнувшие нарушить царящие там законы. Почему они так поступают: ради себя или ради другого человека? Ради успокоения совести, из любви к себе или – как сказал бы христианин – из любви к ближнему? Как это ни парадоксально, в аду различия стираются, и не всегда можно с уверенностью определить, что есть что. Оно и понятно: ведь это ад, а не «нормальный» мир.

⁴ Особый перевалочный пункт в гетто, обычно площадь или другое открытое место, где решалось, кого отправить на смерть, а кто еще годен для работы. В Варшаве для облегчения депортации была проведена специальная железнодорожная ветка, соединяющая Умшлагплац с основной железной дорогой.

«Идем, Хендуся, – позвал я ее. – У тебя, у таких, как ты, есть возможность выйти. Завтра выйдешь на арийскую сторону». Нас разделял тротуар и этот огороженный скверик. «У меня тут сто пятьдесят детей, я их не брошу. Не могут же они одни пойти в вагоны». <...> Осталась с ними, хотя знала, что их ждет. Из чувства долга или из любви к ним? Тогда разницы не было, – пишет Марек Эдельман.

Еще он пишет:

Она висела голая на глазах у пятидесяти или ста человек, теснящихся в том же самом помещении. А ее в уголке насиловали, и все на это смотрели, а я стоял вдалеке и тоже это видел. Сейчас ты у меня спросишь, как должен себя вести в такой ситуации порядочный мужчина. А он вел себя так, как мог. Смотрел, видел и ничего не мог сделать. Конечно, нужно было стрелять – если было бы из чего.

Я не ставлю своей целью обсудить в предисловии все, о чем говорится в книге. Она вам расскажет сама – среди прочего, о детстве и школьных годах автора, о том, как уже до войны он участвовал в деятельности еврейской социалистической партии Бунд⁵ и бундовской молодежной организации Цукунфт⁶, о больнице на Умшлагплац, о конспиративной деятельности и – разумеется – о восстании в гетто, а в конце

⁵ Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) – еврейская социалистическая партия, объединявшая рабочих и ремесленников западных областей Российской империи; основан в 1897 г. в Вильно.

⁶ Цукунфт (идиш: будущее) – левая молодежная организация Бунда.

еще об одном восстании, Варшавском. Расскажет безыскусным, живым, шероховатым языком, потому что фактически книга не написана, а наговорена и пускай затем переработана – кстати, превосходно – в письменный текст, но с сохранением всех черт разговорного языка, за что спасибо Пауле Савицкой. Все перечисленные мною темы вы найдете в описаниях событий и отдельных судеб. Читать будете с пылающим лицом и, большей частью с ужасом, но предисловие я пишу не для того, чтобы вам это сказать.

Вышеприведенные цитаты я выбрал, поскольку они касаются тех вопросов, которые встают перед человеком в экстремальных ситуациях, а это – область Марека Эдельмана. Тут он самый главный и самый мудрый, в частности потому, что не дает ответов, зато умеет очень просто эти страшные вопросы формулировать. А меня так и подмывает высказать некое предположение: в любой ситуации, даже самой чудовищной, Марек Эдельман держит в уме «и любовь», то есть потребность в добре, затмевающим зло мира; в жизни это может обернуться как трагически: кто-то вместе с кем-то добровольно идет «в вагоны», – так и романтически: три месяца счастья на арийской стороне, – или, наконец, героически: участие в борьбе без малейшей надежды на победу, исключительно ради сохранения собственного достоинства. И в любом случае это лучше, чем озвереть в аду, это значит вопреки звериным нравам сохранить в себе крупницу человечности – пускай потенциальную, всего лишь хранящую-

ся в сознании, неприменимую на практике: в зверей, диким способом насилюющих свою жертву, конечно, следовало бы стрелять, но, увы, не из чего было...

Эта вездесущая «и любовь» Марек Эдельмана – высочайшая ценность, уживающаяся с Холокостом, ценность этическая и ценность книги, которую я – незаслуженно – имею честь представить читателям.

Можно не соглашаться с взглядами автора на отдельные политические проблемы, с той или иной радикальной идеей, сомневаться, всегда ли точны исторические факты – не слишком ли субъективны воспоминания о пережитом в нечеловеческих условиях, чему, впрочем, трудно удивляться. Да Марек Эдельман и сам это понимает.

То, что я хочу рассказать, – не историческая правда. <...> Позвоительно ли сейчас видеть вещи такими, какими они виделись тогда? – сомневается он.

О том, насколько его рассказ субъективен, Марек Эдельман размышляет в двух главах – «Ключки памяти» и «Память» (последняя глава), о чем свидетельствуют сами их названия.

Кое-каких тем он раньше не касался (держал, по его собственным словам, «в животе») и заговорил только сейчас. И опять же это вопросы, на которые в рамках «нормальной» морали нет приемлемых ответов, это альтернативы без возможности выбора, когда решение предопределено болезненными, страшными, жестокими аргументами одной стороны

– как было в эпизоде с еврейскими полицейскими, который я привел в качестве эпиграфа к предисловию.

С точки зрения участников восстания в гетто, пятидесяти пистолетов, полученных от АК⁷, было на несколько сотен, если не тысяч, меньше, чем требовалось. С точки зрения военного, генерала Грота⁸, разрешившего дать повстанцам полсотни пистолетов, но никак не больше, даже эти, возможно, давать не стоило, поскольку они предназначены для безнадежной борьбы и наверняка пропадут «зазря». Однако не мне судить, кто был прав.

С точки зрения военной стратегии не было смысла бомбить Аушвиц – и союзники его не разбомбили, – так же как невыгодно было помогать варшавским повстанцам в 1944 году – и союзники оказали им помощь примерно в том же масштабе, что и АК, выделившая Еврейской боевой организации (ЖОБ⁹) в гетто 50 пистолетов.

Марек Эдельман все это понимает, а потому и «держал в животе», но для него это – болезненное место. У всех, евреев

⁷ Армия Крайова (Armia Krajowa, буквально – Отечественная армия) – польская национальная военная организация, действовавшая в 1942—1945 гг. в оккупированной Польше. Подчинялась польскому эмигрантскому правительству в Лондоне.

⁸ Стефан Павел Ровецкий (псевд. Грот, 1895—1944) – генерал. Главный комендант (командующий) Армии Крайовой (1942—1943); казнен в Заксехаузене.

⁹ Еврейская боевая организация (Żydowska Organizacja Bojowa, сокращенно ŻOB), созданная в варшавском гетто в 1942 г. (руководитель – Мордехай Ане-левич) и объединившая почти все подпольные военные организации, кроме сионистов-ревизионистов.

и неевреев, есть такие больные места, у каждого свое. *Нет единой еврейской памяти. <...> Нет также единого стереотипа отношения евреев к полякам. И наоборот.*

Во время Варшавского восстания было так: ...меня задержал повстанческий патруль. Они посмотрели на мой пропуск и говорят: «Он что, еврей? К стенке его, наверняка шпикон». Их было четверо, а я один. «Руки вверх, поганый еврей, это ты поджег Лешно!» <...> Мне повезло: командир вышел и подтвердил, что меня знает. Это меня спасло». А закончилось вот как: ...Поручик Титус <...> подошел ко мне и сказал: «Марек, ничего не напишешь, я иду сдаваться. Я тебе дам нарукавную повязку и аковское удостоверение. Пойдешь с нами». Я только спросил, может ли он гарантировать, что никто из его людей, когда мы будем переходить к немцам, не укажет на меня и не скажет, что я еврей. «Нет, этого я тебе гарантировать не могу». «В таком случае спасибо, я остаюсь», – ответил я.

И тем не менее не антисемитизм, по мнению Марека Эдельмана, главное зло, «которое может разрастись», о чем надо предостеречь мир. К действительно опасным последствиям может привести безразличие к антисемитизму. Антисемитизм существует везде – хоть в Польше, хоть во Франции, – но: еврея, вышедшего из гетто, хватают двое вымогателей, а толпа вокруг делает вид, будто ничего не происходит, потому что людям так удобнее.

<...> сейчас нужно снова научить молодежь, что первое

и самое главное – жизнь, а уже потом удобства, – такими словами заканчивает свою книгу человек, который пережил урок двадцатого века и наблюдает за легкомысленным двадцать первым.

Яцек Бохенский

Ноябрь 2008

Зло может разрастись

Мне неловко выступать перед вами. Я стою тут один, оказался тут случайно – по-видимому, так мне написано на роду. Вселенная, по-видимому, тоже возникла случайно. А здесь, в этом зале, – министры, послы, профессора, депутаты, директора, воспитатели, учителя. За вами учреждения, организации, правительства, даже целые государства. За мной – небытие. Небытие, куда канули сотни тысяч людей, которых я провожал в вагоны. Я не имею права говорить от их имени, потому что не знаю, погибали ли они с ненавистью в душе или прощали палачей. И никто уже этого не узнает. Но я обязан заботиться, чтобы память о них не исчезла. Я знаю, что память об этих женщинах, детях, стариках и молодых, ушедших в небытие, убитых без причины и без всякого смысла, нужна. Знаю: память о них нужна.

В 1946 году в Париже, в Люксембургском саду, я встретился с Леоном Блюмом, тогдашним премьером Франции. Мы говорили о том, что произошло, и Леон Блюм сказал: «Это не немцы сделали, это сделали люди». Я тогда понял, что любой может оказаться способен на страшное преступление, и людей надо предостерегать: пусть знают. Человеку удалось стать хозяином Земли, потому что он сумел истребить, уничтожить все, что стояло у него на пути. И до сих пор в каждом из нас таится атавистическая тяга к уничтоже-

нию, к убийству. Эту тягу нужно обуздать.

Цивилизация и культура наложили на человека ограничения, помогли усмирить эту тягу, научили сдерживать захватнические порывы и сосуществовать с другими людьми, сделали людей хорошими. Но не всегда так бывало. Случалось, что великие умы и великие таланты прислуживали преступной власти. Выполняя требования гитлеровской идеологии уничтожения «недочеловеков», они своими знаниями и наукой способствовали усовершенствованию машины геноцида, а художественным мастерством – как Лени Рифеншталь – помогали превращать людей в бесформенное безликое скопище, послушно идущее в вагоны. Понадобилось много лет, чтобы благодаря таланту Иоланты Дылевской¹⁰ зритель разглядел в этом скопище лица отдельных людей, лица отцов, ведущих за руку детей, матерей, укачивающих в объятиях младенцев.

Поэтому необходимо следить, чтобы культура прививала доброту, а не ненависть. Война закончилась, а нам все еще это не удастся. Один из лучших европейских университетов – а такова Сорбонна – в одном из самых демократических государствах – а такова Франция – воспитал одного из величайших палачей – а таков был Пол Пот. Это значит, что мы недостаточно хорошо учим молодежь, что система образования плоха. А ведь возбудить ненависть гораздо легче, чем

¹⁰ Польский кинорежиссер, автор документального фильма «Хроника восстания в варшавском гетто по Мареку Эдельману» (1993).

склонить к любви. Ненавидеть легко. Любовь требует усилий и самоотверженности.

Мы позволяем, чтобы на улицах городов демократических стран во имя демократических свобод проводились парады ненависти и нетерпимости. Это плохой знак. И это не демократия, потому что истинная демократия не должна допускать зла, даже малейшего – ведь оно может неведомо когда разрастись. Мы должны в школах, в детских садах, в университетах учить, что зло – это зло, что ненависть – зло, а любовь – обязанность. Мы должны бороться со злом так, чтобы тот, кто чинит зло, понял: снисхождения не будет.

Школа ЦИШО, Кармелицкая, 29, угол Дзельной

Выступление Марека Эдельмана на торжественном заседании, приуроченном к началу польской презентации Task Force for International Cooperation on Holocaust Education, Remembrance and Research¹¹

¹¹ Рабочая группа Совета по международному сотрудничеству в преподавании, увековечении и исследовании истории Холокоста (*англ.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.